

Николай Самуйлов

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
МАЙОРА ПРОНИНА.
СЕРЕБРИСТЫЙ
МЕТАЛЛИК

Детективы

Николай Самуйлов

**День рождения майора
Пронина. Серебристый
металлик. Детективы**

«Издательские решения»

Самуйлов Н.

День рождения майора Пронина. Серебристый металлик.
Детективы / Н. Самуйлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856956-2

Оперативный уполномоченный Максим Рощин ведёт расследование убийства майора милиции в отставке Пронина. Он вместе со стажёром проверяют алиби родственников и знакомых и во время проведения следственного эксперимента убийца неожиданно проявляет себя. Второе дело об убийстве неизвестного мужчины также раскрывается во время проведения следственного эксперимента, а убийцей оказывается смертельно больной мститель...

ISBN 978-5-44-856956-2

© Самуйлов Н.
© Издательские решения

Содержание

День рождения майора Пронина, или Минорное дело	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	12
Глава четвёртая	17
Глава пятая	21
Глава шестая	27
Глава седьмая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

День рождения майора Пронина. Серебристый металлик Детективы

Николай Самуйлов

© Николай Самуйлов, 2017

ISBN 978-5-4485-6956-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День рождения майора Пронина, или Минорное дело

Повесть

Глава первая

В ресторане «Рейн» малоллюдно и поэтому тихо.

Лейтенант Скворцов сидит напротив меня и ест мороженое. Громко стучит ложечкой по дну вазочки и размазывает по нему перезрелую клюкву, которую ресторатор Гоча Ашотович Абрамян лично положил в наши порции.

Я со своим лакомством уже расправился, насладившись кислыми ягодами, смешанными со сладкими сливками. Покончив с яством, поборолся с вожделением повторить заказ...

Победил всё-таки я, старший лейтенант полиции Максим Рощин, оперативный уполномоченный Городского управления...

Отрываю взгляд от вазочки лейтенанта, вытираю салфеткой губы и в который раз за проведённое в заведении время приступаю к визуальному исследованию напарника. То есть исподтишка посматриваю на недавно испечённого лейтенанта и фантазирую насчёт совместных действий в момент контакта с нарушителями. Если таковые появятся на нашем пути...

Пока ничего не вырисовывается. Личность напарника за семью печатями. Да и ожидаемые злоумышленники тоже лишь виртуальны. Сегодня могут и не прибыть на не назначенную встречу...

Наше нахождение в ресторане, по мнению моего шефа полковника Токарева, не что иное, как «учебно-оперативное задание». В карьере юного полицейского оно первое. Да и у меня их было не так много. Впрочем, анализировать самого себя в данном амплуа рано, а напарника тем более. Нам ещё предстоит по пудику соли съесть, что бы приблизиться в избранном ремесле к асам сыска.

Мишу Скворцова после окончания юридического института направили в распоряжение Городского управления внутренних дел, и он вот уже три недели стажирется в должности опера Зареченского района города Энска.

Коренной житель, холост, проживает с родителями и двумя братьями в малогабаритной квартире. Это всё, что мне удалось выудить из него в ходе разведывательного опроса.

Выглядит парень лет на восемнадцать, с нетронутым бритвой белёсым пушком на юном лице, большими синими глазами и вьющимся чубом на крупной голове.

Молчаливый и симпатичный блондин. Официантки и посетительницы ресторана бросают в сторону Миши красноречивые взгляды. А он их игнорирует. Ему в данный момент не до взоров юных дев. У него первое оперативное задание.

На меня девушки тоже поглядывают, но и мне это без надобности, так как я уже женат и в браке счастлив.

Юного напарника я совсем не знаю. Однако есть время до конца рабочего дня, что бы изучить молодого лейтенанта.

Вот он, сидит напротив, и ковыряется в вазочке с растаявшим яством. И ничего особенного, кроме юношеской внешности, я в напарнике не нахожу. Обыкновенный салага. К тому же стесняется недавно приобретённого статуса полицейского. Выручает неброская штатская одежда. И, возможно, моё присутствие. Он понимает, что все ментовские сюр-

призы, если таковые возникнут во время нашего дежурства, я приму на себя, как старший по чину и званию...

Полковник Токарев, при представлении мне стажёра, сказал: «Учи!»

Эх, мне бы самому чему-нибудь научиться!

Сегодня в Энске реализуется очередной этап важной общегородской операции, в которой и нам доверили толику ответственности.

Два часа тому назад Мишу вызвали из Зареченского отдела и определили ко мне в помощники. Мы сейчас даже не оперативная группа. Просто сидим в заведении на первом этаже, кушаем мороженое и молчим...

Ожидаем. Ещё не ясно чего. Я спокоен, а Миша немного нервничает.

Нас направили в ресторан «Рейн» подежурить и понаблюдать за посетителями. А также изобличить распространителей и потребителей наркотиков, если таковые появятся в заведении... и задержать их с поличным.

Сейчас ещё не наступил весёлый вечер. Но он приближается.

Неделю тому назад в адрес полковника Токарева поступило сообщение о распространителях героина и спайса, почти открыто «работающих» в ресторане «Рейн». Возможно от самого Гочи Абрамяна. Заказывая мороженое, я намекнул ему о цели нашего визита.

Ресторан «Рейн» – территория Слободского района. А я – бывший в этих местах участковый уполномоченный. И ресторатор Гоча Ашотович мне хорошо знаком.

Токарев посчитал этот факт основополагающим и определил меня на хорошо знакомую «землю», покинутую мной в связи с переводом в оперативную службу. А что бы я ни скучал, нашёл мне помощника, стажёра из Заречья.

Я не скучаю. Я изучаю окружающее пространство и Мишу. А он притих и «гадает» на клюкве, раздавленной в вазочке с мороженым.

Сидим здесь почти час, с 16.00. А сейчас – 16.56. Хорошо, что на первом этаже мало посетителей. Никому, кроме двух голенастых любительниц «Эскимо», глаза не мозолим. Иначе, пришлось бы шифроваться, заказывать дополнительные порции мороженого, пить пиво, а то и вино... Нет, только не это! Вино у Гочи креплёное и не очень вкусное...

В общем, сидим, ждём...

Так, а что там у нас за окном?

А за окном видна асфальтированная площадка с припаркованным туристическим автобусом. Туристы сейчас утоляют голод на втором этаже ресторана.

Дальше, за кованой оградой раскинулся парк. Над жёлто-коричневыми кронами берёз, ещё непрореженными злыми ветрами, на светло-голубом небосклоне висит бледное солнце. Рядом с ним кружат в прощальном хороводе стайки перелётных птиц.

Над крышей автобуса в потоке воздуха проплывает вереница мёртвых насекомых, кусочков сухих листьев и мелкого мусора, соединённая невидимой глазу ниточкой паутины.

Под окном, в нанесённом ветром ворохе опавших листьев копошатся воробьи. Знакомый мне кот, по прозвищу Ночной Дозор, уместился на парапете летнего павильона и наблюдает за пернатыми. Охотиться на птах он не собирается. Его в ресторане и так неплохо кормят. А шустрые воробьи, видимо догадываются о сытости их исконного врага и не спешат покинуть облюбованный уголок, наполненный мёртвыми мухами и семенами растений.

Возле входа в ресторан прохаживается охранник в дорогой униформе: чёрный костюм, белая рубашка, дорогой галстук, сверкающие лаком туфли. Слева над карманом пиджака висит бейдж с названием охранной фирмы и именем парня. В зубах дымится тонкая сигарета. Красивое лицо, словно вырезанное из красного гранита, походит на облик супермена из американского боевика. Трёхдневная щетина подправлена бритвой на шее и на щеках.

В глазах неподкупная предупредительность. Задавать вопросы этому «секьюрити», смысла нет. Он либо проигнорирует их, либо хорошо проинструктирован своим начальством и задором через губу не переплюнет, если «бесплатный сервис» не означен в договоре об охране.

И он нам, скорее всего, не помощник...

В город пришла золотая осень.

Тепло, листопадное разноцветье то радостью, то печалью накатывает на душу и заставляет задуматься о скоротечности времени.

В кармане завибрировал мобильник. Звонит моя Зара. Время: 16.57.

– Максим, ты сегодня придёшь домой поздно? – спрашивает жена.

– Да, милая! Но я обязательно приду! Как там наш малыш?

– Не беспокоит. Уже давно не беспокоит. Готовится к выходу в свет.

– Обо мне не тревожься. У меня всё хорошо...

– Твой ужин в холодильнике. Придешь, разогреешь.

– Спасибо, милая!

Убираю телефон в карман и обращаю внимание на напарника.

Миша улыбается и спрашивает:

– Максим Викторович, у вас есть ребёнок?

– Первого октября должен явиться на Свет Божий.

– Первого октября?

– Плюс-минус сутки.

– Вы – уверены?

– Более чем... Это скоро... Ожидаем...

До первого октября ещё неделя и мы с моей Зарой проживаем каждый день с надеждами на счастливый исход беременности.

Ждём рождения сына...

Подходит Гоча Ашотович и садится за наш столик. Выдающимся армянским носом указывает на мою вазочку и спрашивает:

– Понравилось?

– Очень! – отвечаю я. – Спасибо.

– А летом у нас было: с клубникой, черникой, малиной. Теперь пришла осень. Клюкву из самой тундры доставили... Ещё принести?

– Нет! – отвечаю я, преодолевая внутреннее сопротивление.

Гоча улыбается:

– Понимаю, служба... Максим Викторович, я вас сразу же оповещу, как только эти ребята появятся. Сегодня пятница и они обязательно будут. У нас теперь видеокамеры везде стоят. Благодаря вам и Петру Петровичу. Я в своём кабинете целый вечер на мониторах кино смотрю. Вижу, как посетители нашего заведения много выпивают и медленно превращаются из приличных людей в животных. Вах! Не скажу в каких. Наверное, каждый в своего далёкого предка... А ребята, которых вы ждёте, не превращаются. Они пьют мало. Они культурно отдыхают, разговаривают, читают газеты, наслаждаются кофе. К ним иногда обращаются завсегдатаи моего заведения, и они по одному куда-то выходят. Я проследил. Они – или в туалетную комнату на первом этаже... Это здесь. – Гоча указывает на двери с известными логотипами. – Или на улицу. А там их встречают посетители клуба «Галактика» и пивного бара «Бавария». Короче, сбытчики наркотиков наладили в моём ресторане опасную для молодёжи торговлю... Я полковнику Токареву сразу об этом сообщил, как только обнаружил их бизнес... Уже неделя прошла, а вы только сегодня отреагировали. Сколько человек испортило себе жизнь за это время?!

Ресторатор стреляет хитрым взглядом, словно упрекая в моём лице всю энскую полицию в нерасторопности.

– Гоча Ашотович, а самим трудно было предупредить этих ребят? Или просто выводить их на улицу? Ведь они бы послушались вас. То, чем они занимаются – подсудное дело. И сроки им светят приличные.

– Я должен их предупреждать?! – восклицает ресторатор. – А полиция для чего? Это же – преступники! По ним тюрьма плачет!

– Согласен. Это – преступники! Но имидж своего заведения нужно поддерживать на цивилизованном уровне, Гоча Ашотович! Не смотря ни на что! И этих глупых мальчишек нужно спасать! Всем миром... То, что вы позвонили Петру Петровичу, с вашей стороны – благородный поступок. И энская полиция отреагировала на сообщение своевременно. За прошедшую неделю мы выследили целую артель сбытчиков, и выявили несколько замаскированных хранилищ распространителей зелья. Сегодня последний день сбора фигурантов по возбуждённому неделю назад уголовному делу. Этих культурных посетителей вашего заведения будем задерживать. Если они появятся... И потребителей товара – тоже... Надеюсь, мероприятие пройдёт без эксцессов. Вам ведь не нужен погром в ресторане, Гоча Ашотович?

– Что вы, что вы, Максим Викторович! Вы там с ними аккуратнее! Мы в этом году импортную мебель приобрели! Очень красивую и дорогую!.. – Гоча Ашотович наклоняется ко мне: – А мне что делать, когда вы с ними... того?

– Не паниковать, в наши действия не вступать! Предварительно никому ничего не сообщать. А после задержания, выявить и зафиксировать посетителей заведения, которые смогут нам помочь в качестве свидетелей сбыта наркотиков. А если задержим ребят с товаром на руках, то пусть побудут понятыми при его изъятии с фиксацией в протоколе... Да, и ваше заявление в письменном виде по данному факту, конечно же, будет иметь первостепенное значение. Обязательно напишете, Гоча Ашотович... Ваш охранник, что работает у входа в ресторан, должен был видеть моменты встречи дилеров и потребителей. Мы с ним обязательно побеседуем. Кстати, и он мог бы заняться профилактикой правонарушений в вашем заведении...

– Вах!.. Это не воин, это – мальчик Кен, кавалер девочки Барби! – Гоча Ашотович бросает грустный взгляд на охранника. – Весь из себя красивый, здоровый и непробиваемый. По этой части я ему чуть-чуть завидую. Но у него в голове нет места мыслям, которые нужны при принятии правильных решений. Думает долго... Или совсем не думает.

Похоже, я был близок к истине в оценке охранника.

Гоча снова обращает внимание на нас.

– Максим Викторович! Только что на стоянку въехала иномарка. Обратите внимание: синий «Форд»! Это они... Да, это они!.. Я уйду к себе, буду смотреть их по телевизору. Как только они того... я звоню на ваш номер!

– Договорились, Гоча Ашотович.

Ресторатор удаляется. А Миша спокойно вытирает салфеткой губы, вздыхает и говорит:

– Наконец-то!

И тут я вижу, как лейтенант Скворцов мужаёт лицом и превращается в решительного борца с преступностью. И лет ему уже за двадцать. И у него не только крупная голова, но и широкие плечи с мускулистыми руками. Да и ростом он под метр восемьдесят...

Сработаемся, – думаю я про Мишу, украдкой рассматривая молодых людей, входящих в ресторан...

Электрические часы над входом показывают: 17.03...

Глава вторая

Пётр Петрович внимательно читает мой отчёт в виде рапорта о задержании продавцов и покупателей наркотиков.

– Белый порошок изымали прямо в ресторане? – спрашивает он, не поднимая взгляда от рапорта.

А я в это время думаю о супруге и нашем ещё не родившемся ребёночке...

– Так точно, товарищ полковник! – выручает меня лейтенант Скворцов, встаёт и добавляет: – При свидетелях. Изъято пятнадцать доз белого порошка и шесть пакетов курительной смеси.

Токарев смотрит на меня:

– Макс, балуешь стажёра! На вопросы начальства должен отвечать старший по званию, или старший в группе.

– Виноват, товарищ полковник, – мямлит стажёр и садится.

– Извините, Пётр Петрович, – спохватываюсь я. – Задумался.

– Задержанные фигуранты и собранный материал переданы в Слободской отдел?

– По территориальности, Пётр Петрович, в Слободской отдел, – подтверждаю я. – Документы и задержанных ребят принимали: дежурный офицер Зинченко и оперуполномоченный майор Конь. Подполковник Тузов находился на территории. Но он – в курсе.

– Фигуранты вели себя спокойно?

– При задержании неповиновения не оказывали. Они просто испугались. Студенты автодорожного техникума. Дети ещё!..

– Теряем хорошую молодёжь! – Токарев закрывает папку с бумагами. – В понедельник дам поручение местным оперативникам и участковым на проведение в учебных заведениях города лекций на тему: о борьбе с распространителями и потребителями наркотических веществ. Или что-нибудь в этом плане. В профилактических целях. Стоит ослабить вожжи, так кони тотчас в галоп...

Пётр Петрович снова приоткрывает папку и ещё раз пристальным взором пробегаются по рапорту, а потом смотрит на нас.

– Сегодня полиция города поработала на славу. И вы не ударили в грязь лицом... Осталось вычислить поставщиков зелья и найти главные хранилища в городе и области... Так что, коллеги, с задержанными фигурантами нам ещё предстоит кропотливая работа. И чувствует моё сердце, проблем с наркотой будет много... Упразднили в городе армейский режим на свою голову! Теперь благополучный город Энск открыт всем злым ветрам цивилизации...

Токарев надувает щёки и шумно выдыхает воздух. Видно, что шеф устал не меньше нашего.

– А сейчас по домам, – говорит он, укладывая документы в сейф. – Спасибо за службу!.. А с утра ко мне на инструктаж... Оба... В десять ноль-ноль.

– Суббота, – бурчит Миша и тут же скороговоркой добавляет: – Товарищ полковник, а как же моя стажировка в Зареченском отделе?

– Суббота... – в тон стажёру ворчит шеф, захлопывая дверцу сейфа. – Я тоже буду на службе.

Пётр Петрович, с осенней грустью в глазах, смотрит в окно, на взошедшую над городом луну и не глядя на нас, но уже с грустью в голосе, добавляет:

– Есть одно минорное дело, которое нужно распутать. Желательно до октябрьских дождей и снегопадов. Точнее, до конца квартала. Как раз по месту твоей стажировки, лейтенант, в Заречье... Всё, коллеги, по домам!..

И мы выходим в лунную прохладную сентябрьскую ночь.

Свет из окон кабинета Токарева, что на втором этаже, освещает площадь перед входом в здание Городского управления полиции. У шефа рабочий день ещё не закончился...

Хронометр мобильного показывает: 23.05.

У нас ещё есть время для полноценного отдыха...

Глава третья

Лейтенант Скворцов и капитан Окуневский – опер из Зареченского отдела, «прилипли» к открытому окну «аквариума» и разговаривают с майором Бабаевым – начальником дежурной части управления. Я подхожу к ним, приветствую всех и спрашиваю у майора о наличии на рабочем месте полковника Токарева.

– У себя, – подтверждает майор. – Ждёт.

И мы втроём идём по широкой лестнице на второй этаж. Трепещущие цифры на древних электрических часах показывают: 09.58.

Ровно в десять часов мы стучимся к шефу и отворяем дверь в уютный кабинет, приспособленный не только для совещаний в рабочее время, но и для комфортного пребывания здесь хозяина в любое время суток. За спиной шефа виднеется приоткрытая гардина закрывающая вход в «будуар», предназначенный для отдыха во время суточных и авральных дежурств. В нём же принимаются проверяющие особы из областного главка и отмечаются сугубо личные торжества. И именно оттуда сейчас веет ароматом недавно сваренного кофе. Уж в этом напитке я разбираюсь хорошо. Благоухающий на весь кабинет «Карт нуар», если Пётр Петрович не шутит, привезли ему «аж из самого города Парижу!»

Окуневский, вошедший первым, щёлкает каблуками и замирает передо мной в позе оловянного солдатика. Миша слегка подталкивает меня вперед, и я упираюсь в спину капитана. Так и замираем в позе шестиногой гусеницы, до конца не вползшей в кабинет.

Старший по возрасту и званию опер, конечно же, мог пропустить нас в кабинет и уж, потом щёлкать каблуками. Но он с первой минуты даёт понять, кто из троих главный. Мол, не высовывайтесь, салажата...

И вот тут мне показалось, наверное, от кофейного аромата, что сейчас у меня и пыхтящего за спиной Миши Скворцова начнётся самостоятельная работа, которую придётся исполнить, не дожидаясь осенних дождей и снегопадов. Её в детективных повестях описывают, как «романтическое приключение» с погонями, стрельбой и непредвиденными встречами с опасными личностями. А они, эти личности, придуманную для юношей «книжную романтику» готовы превратить совсем не в happy end. Поверьте мне, ибо я однажды изведаль вкус жёсткой романтики.

Я хоть и старший лейтенант, но не Холмс, и даже не доктор Ватсон.

До сегодняшнего дня мне не приходилось выполнять настоящую оперативную работу. Как начинающему оперу, мне поручали совсем неинтересные рутинные дела, от которых старшие товарищи-коллеги отлынивали.

Короче, мне доверили проверку служебной документации у коллег в районных отделах полиции, иногда приглашают участвовать в различных рейдах по выявлению и задержанию правонарушителей, вина которых уже доказана, места их пребывания известны, и гоняться по ночному городу за ними не нужно.

Так что, спрятанную где-то в черепной коробке «дедукцию», которую мой шеф называет «тараканами», на деле применять приходится нечасто. И как раскрывать неочевидные преступления с «нулевого цикла» представляю с трудом. Я в душе всё ещё участковый уполномоченный. «Костюмчик» опера лишь примеряю...

Если «минорное дело», о котором вчера упоминал шеф, будет и в самом деле запутанным, то, очевидно, у нас с Мишей появится шанс проявить себя в качестве настоящих «сыщиков». И мы приступим к приобретению и накоплению опыта, необходимого в оперативной работе...

Пётр Петрович сидит за рабочим столом.

У меня промелькнула мысль, что главный сыщик Энска не покидал свой кабинет со вчерашнего вечера. Та же поза, те же с вопросительным прицелом глаза, обезоруживающие каждого, входящего к нему посетителя. Только едва уловимый запах туалетной воды, смешанный с запахом кофе, и хорошо выбритое лицо говорят, что хозяин кабинета был-таки дома и получил от любимой супруги заряд бодрости на предстоящий рабочий день, который у остальных жителей страны является законным выходным. И этот жизнеутверждающий заряд шеф сейчас выплеснет на нас, плохо выпавшихся подчинённых.

Лично мне пара часиков дрёмы возле Зары не помешали бы.

Да и стажёр Миша Скворцов совсем не в форме, какой-то взъерошенный, с опухшими от недосыпа глазами. И на лестнице споткнулся – ногу на очередную ступеньку не смог поднять.

Мне вспомнилось, что одна из вчерашних девиц, наблюдавших за нами в ресторане, всё-таки «выудила» парня зелёными поплавками из толкотни, в момент задержания наркoдилеров, и что-то сказала ему на ушко. Неужели назначила парню встречу, и тому пришлось попотеть в крепких объятиях девы? При случае поговорю с Мишей в целях недопущения знакомств в общественных заведениях. Ибо такие связи чреваты последствиями с печальным финалом...

Впрочем, я могу и ошибаться. Просто молодому организму в выходные дни нужно отдыхать – нежиться в койке часиков до двенадцати...

– Здравия желаем, товарищ полковник! – приветствует Окуневский Токарева за всех нас. – Разрешите войти?

– Здравствуйте! Проходите, присаживайтесь!

Мы, под пристальным взглядом шефа, «ломаем» шестиногую гусеницу и бесшумно занимаем места на стульях, расставленных вдоль стены.

Пётр Петрович откидывается на спинку кресла и обращается к Окуневскому:

– Сергей Викторович, ты начинал дело майора Пронина, ты и расскажи его суть. И мне, и младшим товарищам. Только коротко. После пятиминутки, проводишь коллег на место происшествия и покажешь, где всё случилось... и что из этого получилось. А потом в свой отдел. Продолжим беседовать с задержанными вчера в общественных местах города распространителями «опия», «герача», «спайса» и прочего дурмана...

Окуневский встал, отошёл на пару шагов от нас и, сделав лицо очень серьёзным, стал рассказывать:

– Случилось это в прошлую субботу под вечер. В дежурную часть Зареченского отдела поступил телефонный звонок из 3-го отделения скорой помощи о констатации естественной смерти гражданина Пронина Григория Васильевича, в возрасте шестидесяти трёх лет, зарегистрированного по месту жительства в доме номер тринадцать по Прощальной улице. Одновременно из скорой помощи поступила телеграмма аналогичного содержания, подписанная главным врачом СП. Как известно по факту смерти возбуждается уголовное дело. После проверки информации и подтверждения факта естественной кончины, дело прекращается. Дежурный офицер майор Татарский направил меня на Прощальную улицу для осмотра места происшествия и опроса граждан, обнаруживших тело Пронина, или присутствовавших при последних минутах... Короче, покойного обнаружила супруга, Пронина Александра Сергеевна. Она в последнее время постоянно проживает в посёлке Сокол, по месту своего рождения, где работает директором поселковой школы. Это в десяти километрах от Энска. Пронин некоторое время проживал там же. Дом на Прощальной улице был предоставлен семье майора ещё в период его службы участковым инспектором милиции Зареченского отдела и впоследствии приватизирован им на своё имя. В посёлок Сокол семья Пронина переехала после его отставки. Он там подрабатывал заведующим на овощной базе, а потом охранником теплиц. Последние два года нигде не работал. Занимался ремон-

том дома на Прощальной. Ну и жил в нём. Супруга в прошлую субботу решила навестить мужа и обнаружила его в безжизненном состоянии. Он лежал на диване, одетым. Вызвала врача. Приехала скорая помощь и врач, поверхностно осмотрев покойного, констатировал смерть от обширного кровоизлияния в мозг. Инсульт. Прониной было предложено отправить тело мужа в морг при городской больнице номер пять. Она отказалась. Заявила, что прощание с мужем будет дома. И похороны состоятся на местном кладбище, оно рядом... Я опросил Пронину, составил протокол осмотра места происшествия по форме и в тот же день собрал материал и подготовил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Начальник отдела подполковник Раков в этот же вечер рассмотрел материал и согласовал с дежурным прокурором. В общем, уголовное дело не возбуждалось в связи с естественной смертью гражданина Пронина. Воскресенье тело Пронина находилось вне гроба на разложенном посреди комнаты столе. В понедельник приехали сотрудники похоронного бюро, доставили гроб и стали готовить покойника к погребению. Омывали, брили, одевали и прочее. И в процессе этого действия обнаружили рану на голове Пронина. Они же сообщили об этом в городское управление полиции. Прибывший патологоанатом дал своё заключение. Причиной смерти гражданина Пронина явился не инсульт, а удар по голове сверху тяжёлым предметом, не установленной формы. В результате удара был проломлен череп, без повреждения кожного покрова. Вероятно, во время нанесения удара Пронин находился в головном уборе. Зимняя кепка, которую носил Пронин, обнаружена в прихожей на вешалке. Кроме этого он имел пышную шевелюру, что и не позволило проявить на черепе форму оружия преступления. Но этот предмет, по заключению патологоанатома, был тяжёлым, а удар по голове – сильным. Смерть наступила не сразу. Примерно часа через два после нанесения удара. Однако последовавшее после удара обширное кровоизлияние привело к летальному исходу. Об этом указано в заключении патологоанатома... При повторном осмотре места преступления, то есть жилых комнат и иных помещений дома Прониных на Прощальной улице, предметов схожих с предполагаемым орудием убийства не обнаружено. Ничего тяжёлого...

Окуневский посмотрел на Токарева и тихо добавил:

– Вот и всё, товарищ полковник... Похоронили майора Пронина во вторник на Восточном кладбище, рядом с домом. Супруга настояла. Она отказалась перевозить тело мужа в посёлок Сокол, и предавать земле на местном кладбище, рядом с его родителями. На похоронах присутствовали соседи по Прощальной улице, наши ветераны из Зареченского отдела, помнящие майора Пронина и его родственники: супруга, дочь. В общем, народу было много.

– И ты там присутствовал?

– Пронин был моим учителем. Он меня, после окончания средней спецшколы милиции, на участкового стажировал. А в оперативники я уже потом перевёлся. Так что проводил учителя. А вот на поминки никого не приглашали. Говорят, их и не было. Я с нашими пенсионерами у могилки рюмочкой помянул покойного, на этом и разбежались.

– И со вторника дело Пронина числится у нас в глухарях?

– Так точно, товарищ полковник!

– И ничего подозрительного в этом печальном событии ты, Сергей Викторович, не обнаружил? Чего-нибудь такого, за что можно будет зацепиться?

Окуневский пожал плечами.

Токарев утвердительно кивнул и достал из ящика стола папку скоросшиватель.

– Вчера я попросил подполковника Ракова переправить мне дело о гибели майора Пронина и ознакомился с имеющимися документами. Передо мной лежит хороший, я бы сказал: очень полный материал для прекращения уголовного дела в связи с естественной смертью нашего коллеги. И совершенно сырой, ещё не начатый к реализации комплект отписок, знакомясь с которыми трудно понять, кому было выгодно погубить человека... Или смерть

Пронина есть результат несчастного случая? И как он реализовался, этот коварный эпизод?.. Виктор Сергеевич, ты ничего не заметил, когда составлял протокол осмотра места происшествия?

– А что не так, товарищ полковник?

– Вот протокол. Прочти из него некоторые фрагменты вслух.

Окуневский взял папку.

– С чего начинать?

– Сначала.

– Протокол осмотра места происшествия, – начал капитан. – Дата – пятнадцатого сентября сего года, время – 19.45, место – город Энск... Я, оперуполномоченный Зареченского отдела капитан полиции Окуневский...

– Стоп, про себя не читай! Читай про Пронина. Его данные огласи.

– Пронин Григорий Васильевич, родился пятнадцатого ноль девятого...

– Опять стоп! Ничего на слух не рифмуется?!

– Не понял, товарищ полковник.

– Дата осмотра места происшествия и день рождения майора.

– Пятнадцатого сентября и... пятнадцатого ноль девятого...

– Ну?

– Выходит, что Пронин получил удар по голове в день своего... рождения?!

– И ты об этом узнал только что?

– Я как-то... не придавал этому значения... Там, в доме Пронина, было не до дней рождения. Жена рыдает, соседки пришли, плачут. Дочь приехала и сразу в крик.

– И ты скоренько накатал протокол и ходу оттуда?

– Ну, вроде того, товарищ полковник. Скрывать не буду.

– Объяснение Прониной Александры Сергеевны тоже записал на ходу?

– На другой день, в воскресенье... Она немного успокоилась и рассказала мне, как обнаружила мужа.

– Как же?.. Пожалуйста, подробнее. В объяснительной записке всего-то пара слов об этом. А здесь важны детали.

– Приехала Александра Сергеевна в Энск на рейсовом автобусе без четверти пять дня. До дома на Прощальной улице дошла пешком. Входная дверь в терраску была заперта на внутренний замок. Открыла её своим ключом. Дверь в дом тоже была закрыта, но не заперта. Пронин лежал на диване в одежде. Будто бы спал. Ничего подозрительного жена не заметила. Разделась и стала готовить ужин. Говорит, что примерно через час попыталась разбудить мужа... Ну и обнаружила, что тот мёртв. В доме есть телефон. Она позвонила в скорую помощь, а врач после осмотра сообщил о смерти Пронина в полицию и в свою контору.

– И в доме, кроме покойного, Александру Сергеевну ничего не встревожило? Может быть, приметный для глаз беспорядок, накрытый стол с остатками спиртного и закусками. Всё-таки день рождения!

– Нет, ничего такого... Александра Сергеевна об этом мне ничего не говорила.

– А ты и не спрашивал?

– Нет, на эту тему, я не говорил. Повода не было. Умер человек своей смертью. Лежал на диване одетым и в обуви. Может, устал, прилёг отдохнуть.

– Ну да, иди теперь спроси у майора Пронина, сам он прилёг, или его sobутыльки уложили!.. Так что, Виктор Сергеевич, за прошедшую неделю, ты так и не приступил к работе по раскрытию данного дела!

– Так ведь другими делами нас загрузили, товарищ полковник! Всю неделю боролись с наркоманами и наркодилерами.

– Намекаешь, что живых наркоманов нужно спасать? А праведные покойники ждут?

– Да ни на что я не намекаю, Пётр Петрович! Просто не было времени поработать над этим материалом.

– Ладно, не нервничай! Теперь у тебя два помощника. Ты им прямо сейчас покажи место преступления, познакомь с Александрой Сергеевной, озвучь свои предположения и догадки, выдвини возможные версии неочевидного события, а молодёжь уж сама разберётся, что к чему.

Токарев встал и протянул руку за делом. Окуневский передал ему папку. Мы с Мишей тоже встали. Я посмотрел на Петра Петровича. Он хладнокровно поглядывал на вход в будуар, откуда так соблазнительно веяло кофе «Карт нуар». Странная гибель коллеги его не очень-то расстроила. Или он умело скрывал свои чувства...

Окуневский окинул взглядом меня и Мишу. Из его карих глаз сквозило холодком открытого недоверия к нам.

Миша в ответ стрельнул в коллегу юношескими синими брызгами и тот, ухмыльнувшись, отвернулся и спросил у шефа:

– Разрешите идти, Пётр Петрович?

Токарев бросил скоросшиватель с документами в ящик стола.

– Значит так: заведёте рабочее дело, составите план расследования, разберётесь с версиями и начинайте собирать материал. Вечером мне покажете. После ознакомления с территорией, то есть с местом преступления, ты Виктор Сергеевич, возвращаешься в свой отдел. Даю тебе полчаса! Там для тебя найдётся работа. Но, до этого – учи помощников! Учи! Всему, чему сам научился! – Шеф указал пальцем в нашу сторону. – Они будут работать самостоятельно. И как молодёжь станет раскрывать преступление, так я буду оценивать твоё, капитан, оперативно-розыскное творчество... Свободны!

– Это! – воскликнул Окуневский вслед исчезнувшему за ширмой Токареву, – Чему я их... за тридцать минут-то?..

Из будуара слышалось, как Пётр Петрович наливает напиток в чашку, стучит по ней ложечкой и начинает шумно прихлёбывать.

Окуневский, потоптавшись возле стола, повторно, с неудовлетворением во взгляде оценил наше с Мишей хладнокровие и махнул «на всё»... То есть поднял правую руку и резко опустил её.

– Ладно, студенты, пошли! – буркнул капитан и первым вышел из кабинета. – На чём поедем? – спросил он у меня.

– На «бригантине», – ответил я.

Электрические часы показывали: 10.09.

Быстро спускаемся по лестнице в дежурную часть.

Капитан притормаживает возле открытого окна в «аквариум» и обращается ко мне:

– Возьми папку с бланками, – Взмахом руки, всё той же, правой, прощается с майором Бабаевым и снова ко мне: – Будете записывать мои «лекции» по ходу дела.

– Уже взял! Она в «бригантине», – парирую я и добавляю для Бабаева: – Я на Прощальной улице, тринадцать...

Глава четвёртая

«Бригантина», это персональное средство передвижения, созданное немецкой компанией «БМВ». Автомобиль вручен мне руководством управления полиции как подарок в день нашего с Зарой бракосочетания девять месяцев тому назад. Думаю, что областное управление внутренних дел не стало бы разоряться на такой дорогой подарок за мои «подвиги». Вполне хватило бы внеочередного звания и ведомственной медали, которые я тоже получил. Тут вмешался адвокат, занимавшийся моим делом. Он своевременно подключил страховую компанию, которой пришлось выплачивать компенсации за вред, причинённый моему здоровью жадными до денег мошенниками, и за сожжённый ими же тридцатилетний автомобиль «Жигули» шестой модели ярко-алого цвета. На нём ещё мой отец ездил по закрытому городу Энску, будучи студентом пединститута.

Так как нашу почившую в огне «шестёрку» отец называл «бригантиной», а «дареный» УВД и страховой компанией автомобиль «БМВ» оказался аналогичного «окраса», то и ему по наследству досталось морское прозвище, благодаря гриновским алым парусам.

На Прощальной улице дома размещены только справа, в глубине покрытых опавшей листвой сквериков. Нумерация нечётная и начинается по ходу нашего продвижения по убыванию, с девяносто девятого.

Мы въезжаем на улицу с кольцевой трассы, и сразу попадаем в «золотой мир». Над усыпанной листвой дорогой мохнатыми лапами нависают ветви могучих дубов, клёнов и лип, ещё не оголённые до наготы листопадом.

Яркие солнечные лучи, едва проникающие внутрь естественного золотистого тоннеля, превращают окружающее пространство в приватный сказочный мирок.

Жилые дома, в основном одноэтажные, воспринимаются как сельское поселение, не испорченное фоном современных небоскрёбов. Город Энск из этого уголка просто не виден. Здесь тихо и покойно. На улице не видно машин. А на широком тротуаре я не приметил хотя бы одного прохожего. Взрослые селяне наводят порядок на приусадебных участках, детвора помогает. Готовятся к зиме.

Слева вдоль улицы тянется высокий металлический забор, давно не крашенный, ржавый и местами накренившийся, или упавший на разросшийся с обеих его сторон густой кустарник. За ним, среди седых стволов лесных гигантов и зелёных клоков ещё не увядшего бурьяна, видны чёрные кресты и надгробные памятники. Это – Восточное кладбище. И его наличие тоже способствует умиротворению в окружающем пространстве.

К дому номер тринадцать мы подъехали, свернув на дорожку, соединяющую проезжую часть с широким тротуаром, протянувшимся вдоль невысокой витиеватой оградки, спаянной из арматуры талантливыми сварщиками для обозначения приусадебных территорий.

– Живут прямо на кладбище! – сказал Окуневский и первым вышел из салона. Он сидел рядом со мной, а стажёр сзади. – Не люблю я этот дикий угол!

– А мне здесь нравится! – воскликнул Миша и последовал за капитаном.

Мне тоже здесь понравилось. Но я промолчал и, заглушив двигатель, последовал за коллегами.

Калитка не заперта. Капитан откинул внутреннюю защелку, и мы ступили на красивую дорожку, выложенную в ровном газоне из цветных бетонных блоков. Вокруг дома чисто. Я заметил, что летом за территорией ухаживали. Декоративный кустарник вдоль ограды подстрижен, трава скошена, на окружённых цветными кирпичами клумбах удалены засохшие стебли цветов и почва взрыхлена. Да и сейчас, в период активного листопада, на участке нет такого количества листвы, как в округе. Её убрали. Причём недавно.

Дом тоже выглядит ухоженным, построен давно, из прочного красного кирпича, с ломаной крышей, под которой, судя по большим окнам с тюлевыми занавесками, располагается благоустроенная мансарда площадью не менее чем на первом этаже. Широкая терраса, выкрашенная акватексом под цвет старого кирпича, встретила нас запертой дверью. На звонок никто не ответил и никто не вышел нас встречать.

– Видимо, нас не ждали, – пробурчал Окуневский, стукнув для верности по двери кулаком. – Супруга уехала в посёлок Сокол, дочь тоже где-то обретается. У них свои квартиры, работы. И здесь им делать нечего. А этот уютный домик Александра Сергеевна, скорее всего, выставит на продажу.

Мне ничего не оставалось, как обойти дом и осмотреться.

Миша шёл за мной и с некоторой завистью во взгляде оценивал шикарную беседку в окружении высоких грушевых деревьев, кирпичный барбекю-мангал крытый металлочерепицей, качели под навесом и окружённый плодовыми деревьями и кустами уголок, где можно отдыхать, как на даче.

Я же, ко всему прочему, осматривал сам дом, не имевший каких-либо хозяйственных пристроек, погребов и курятников. Просто дом, без архитектурных излишеств, с большими окнами, укреплёнными резными ставнями, почему-то не закрытыми на период отсутствия хозяев. Казалось, что они где-то здесь, не далеко...

– Ну что, студенты? – проворчал капитан, встретив нас после кругового обхода. – Будем думать о планировании вашей работы?

– Будем, – соглашаюсь я. – Но нужно навестить могилку майора Пронина. Это далеко?

– Пешим ходом – пять минут. Ворота напротив, – капитан взглянул в сторону кладбища. – Пошли, провожу! Мне скоро Токареву докладывать о проделанной работе.

– Что докладывать, Сергей Викторович? – спрашиваю я капитана. – Мы же ещё ничего не сделали.

– Вот об этом и доложу. – Окуневский первым выходит на улицу и с завистью смотрит на мою машину. – Доложу, что ничего не сделали, занимались осмотром места происшествия. Внутрь попасть не удалось... – Капитан на секунду задумывается, а потом добавил к сказанному: – Мне кто-то из Слободского отдела про твоих «тараканов» рассказывал. Ты, старлей, разбуди их, умненьких, и с ними посоветуйся. Может чего-нибудь, и сочинишь... для вечернего доклада шефу. А я сей момент доложу то, что есть.

– Значит, обещанные лекции читать не будет, – таинственным шёпотом оповестил меня на ухо Миша.

– Не буду я читать вам лекции, – ворчит Окуневский, услышав резюме лейтенанта. – Вы оба с высшим образованием. А у меня всего лишь средняя спецшкола. Планированием и сыском займётесь согласно статьям, прочитанным в учебниках. Да и кое-какой опыт у вас уже есть. Не зря же вам звания и медали досрочно вручают. Да ещё и машины в придачу...

Это капитан уже не о нас...

Это он обо мне. Позавидовал что ли? Образование, звание, машина. Он бы ещё маму полковника медицинской службы вспомнил и тестя генерал-майора... Но я не обидчивый! Чего на стариков обижаться!

Окуневскому пора на пенсион. Лет ему за пятьдесят и выслуга на пределе... И чего он такой сердитый?

– Ну, тогда пошли к майору Пронину, – сказал я обоим спутникам, а Мише, тоже шёпотом: – Сами разберёмся. Слышал про тараканов?

– Да! Только я ничего не понял...

– О них, потом!..

И мы пошли за обиженным на жизнь капитаном.

Ощущение, которое я испытываю, ступив на территорию кладбища, можно сравнить с перемещением из пространства, в котором живут, в мир невидимых призраков. Я, конечно, их не вижу, но они существуют. Возможно, что только в моём воображении, ибо тут обитают души погребённых людей, проявляющиеся в сумерках и пугающие впечатлительных посетителей. И те не любят бывать в этих местах просто так, прогуливаясь. Не смотря на то, что здесь – тишина и покой. В городских парках этакой «благодати» нет.

О душах умерших, мне рассказывала бабушка. Она была верующей и занятой фантазёркой, последнее передалось мне по наследству.

Бабушка умерла давно и похоронена на старом военном кладбище. Я и родители навещаем её могилку в дни поминовения усопших. А один я к ней не приходил. Считаю себя нормальным человеком и понимая, что всё это – выдумка, входя в мир усопших, всегда ощущал присутствие кого-то рядом...

Чугунные ворота открыты. В сторожке пусто. И, похоже, давно. Она покосилась, окон и дверей нет.

Кладбище для официальных захоронений закрыто. Хоронить разрешается только на участки к родственникам. Об этом гласит объявление на проржавевшем металлическом листе, прикрученном проволокой к ограде.

Значит, у Пронина здесь похоронен кто-то из родственников.

Пройдя метров сто по центральной асфальтированной аллее, сворачиваем вправо, на грунтовую тропинку, поросшую низкорослой зелёной травой, прикрытой ковром из опавшей листвы.

– Ну вот, – говорит Окуневский и показывает вглубь кладбища. – Метров двести пройдёте и увидите. Она справа. А я в отдел. Между домами есть проход. Через пятнадцать минут буду на месте. Если что, звоните!

И он быстрыми шажками засеменил к выходу.

– Вообще-то я мог бы подвезти! – говорю я вслед коллеге.

– Да ладно, старлей, – не оборачиваясь, говорит капитан, – не беспокойся!

И всё. Теперь мы с Мишей получили полную независимость в действиях и суждениях.

Могилка приметная. Потому что вокруг разбросана свежевскопанная земля, венки над рыхлым холмиком, деревянный отлакированный крест в ногах с прислонённым к нему чёрно-белым портретом красивого мужчины.

Рядом старое захоронение. Надгробный памятник из серого гранита с хорошо выполненным абрисом женского лица.

«Градова Маргарита Семёновна». И даты: рождения и кончины.

Умерла девять лет тому назад в возрасте пятидесяти двух лет.

Девушка лет двадцати, в траурной косынке, сидящая на лавочке в стороне от могил, обратила внимание на нас, подошла, ответила на приветствие, поправила ленточку на одном из венков, взяла за могилой дерматиновую сумку, из которой выглядывала ошетиненная кошачья морда, и не торопясь пошла к выходу.

Я прочитал надпись на ленте.

«От дочери».

Там ещё были венки: от родных, от друзей, от коллег.

Возле креста, перед портретом, вазочка с цветами. И фарфоровая тарелка с наполненным гранёным стаканчиком. Наверное, с водкой. Родные поминали. Крошки хлеба и фантики от конфет разбросаны вокруг стопки. Птички угостились поминальными подарками.

Обращаю внимание, что и перед памятником Маргарите Семёновне стоит ваза с цветами. Букеты свежи, возложены сегодня. Наверное, этой девушкой... «дочерью».

Кто эта Маргарита Семёновна? Кем она доводилась Пронину?

– Ну что, лейтенант, начинаем следственные мероприятия?

– Начинаем, Максим Викторович.

Миша извлёк из нагрудного кармана телефон, настроил в нём фото функцию и несколько раз снял венки на могиле Пронина. Поправил ленту с надписью «от дочери» и запечатлел её. Потом, мельком взглянул на меня, сфотографировал и памятник на могиле Градовой.

– А теперь общий вид, – вмешался я, – с обеими могилами.

– Угу! – сказал Миша и, отойдя несколько шагов назад, щёлкнул последний кадр.

– Есть какие-нибудь соображения?

– Максим Викторович, нам бы эту девушки догнать!

– Догоним... Полагаю, она ожидает нас возле дома.

– Это – дочь?

– Пошли, спросим...

Глава пятая

Девушка сидит на ступеньке крыльца, уже без траурной косынки, и наблюдает, как кот, тот, что сидел в сумке, ест из старой алюминиевой миски. Ест с аппетитом. Видимо очень проголодался.

На нас никакого внимания. Но она ожидает гостей. Ведь не зря же моя «бригантина» стоит напротив её калитки.

– Вот и хозяйка дома, – констатирую я. – Или нет? – уже сомневаясь.

– Спросим, – говорит Миша вполне уверенным голосом.

Обходим стоящую на пути «бригантину» и останавливаемся перед девушкой.

Она улыбается нам с нескрываемой грустью в серых глазах.

– Евгения, – представляется девушка.

– Миша, – представляется стажёр.

– А я – старший лейтенант полиции Роцин Максим Викторович, оперуполномоченный из Энского управления.

– Лейтенант полиции Скворцов. – Коллега изображает мину виноватого мальчишки и добавляет: – Михаил Иванович...

– Евгения, – подходя ближе к девушке, говорю я: – познакомимся более обстоятельно. Вы были у могилы Григория Васильевича. В каком родстве вы с ним находитесь?

– Там покоятся мои родители, мама и папа. – Девушка встаёт со ступеньки. – Я – Градова Евгения Григорьевна, их единственная дочь. А это мой дом.

– Вот это да! – восклицает Миша. – А мы думали, что...

Кот слизнул из чашки последнюю съедобную крошку, сел возле девушки, обернулся пушистым хвостом и принялся рассматривать стажёра. Мне показалось, что с уважением, которое отразилось в его зелёных глазах.

– Вам вероятно известно, что у моего папы есть жена и другая дочь? Так это правда. Но они зарегистрированы по другому адресу и здесь не проживают... А вы, собственно, по какому поводу навестили могилы моих родителей, а теперь и ко мне пришли?

Голос у девушки звучит уверенно. По спокойному тону вижу, что она не собирается возражать нашему пришествию в неурочное время. Но и удовлетворения от этого не испытывает. Стоит на страже дома надёжным цербером и терпит наше присутствие.

«А мы здесь, что бы добыть как можно больше информации по делу», – подумал я, но вслух это не произнёс. Не решился что ли?

Капитан Окуневский, словно сговорившись с полковником Токаревым, предоставил неоперившимся полицейским возможность начать расследование с нуля. И в данный момент мы кое-что узнали, что неведомо им.

В материале на Пронина есть упоминание о дочери, мама которой жива. И ни слова об этой симпатичной девушке, у которой мама умерла, а папой был всё тот же майор Пронин.

Вполне возможно, что это очередной «финт» моего учителя. Пётр Петрович знает о погибшем майоре намного больше, чем Окуневский, и способен на «лукавые» поступки по отношению к подчинённым.

«К звёздам, юноша, нужно идти тернистым путём! – сказал полковник как-то, будучи не в духе. – А у тебя всё гладко и с горочки – толкать не нужно – сам катишься!»

Я понимаю шефа и на него не обижаюсь. Наоборот, стараюсь оправдать награды, внеочередное звание и немецкую «бригантину», выданную взамен сгоревшей отечественной «шестёрки»...

А в данном случае, по его «глубокому умозаключению», это – учёба... Или наказание?

Разберусь – опять премия; нет, – огребу по полной программе. И то и другое полезно для меня и стажёра.

Может быть, шеф просто инициирует моих, ещё спящих «тараканов», которые пришли ко двору в прошлом году?

А сейчас настало время превращаться из штабного писаря в оперативного сотрудника, разыскивающего убийцу...

Я старший в группе, пора начинать работать.

– Евгения Григорьевна, Энское управление полиции проводит расследование по факту смерти гражданина Пронина Григория Васильевича. Нужно кое-что уточнить. Если вы не возражаете, мы зададим вам несколько вопросов, осмотрим место происшествия, начертим план дома. Это нужно для розыскного дела...

Спохватившись, достаю из кармана служебное удостоверение и показываю Евгении. Девушка внимательно изучает документ и удостоверяется в подлинности моей личности. На «ксиву» стажёра лишь бросает взгляд.

– Пройдёмте в дом и побеседуем, как вы говорите, «более обстоятельно», за чашкой чаю. Там вы осмотритесь и начертите необходимый для дела план.

– С вашего позволения мы ещё и сфотографируем отдельные детали.

Миша показал Евгении мобильник.

– Пожалуйста, пожалуйста!

Девушка вошла первой. Кот юркнул за ней. Миша пропустил меня вперёд и аккуратно прикрыл за собой дверь.

В доме уютно. Пахнет по-домашнему. Здесь недавно что-то жарили или варили. И ещё здесь витал аромат лежалых яблок.

– Беседовать будем на кухне, – заявляет Евгения.

Из просторной прихожей мы попадаем в ещё более просторное помещение с кухонными атрибутами. Газовая плита, посудомоечная машина, огромный холодильник из нержавеющей стали. Посреди кухни красивый стол из толстого закалённого стекла. Над ним люстра. Тоже красивая и необычная. Штучное произведение искусства.

– Покажите нам место, где было обнаружено тело... Григория Васильевича.

Евгения оборачивается ко мне.

– Я не знаю... – В глазах испуг. – Я не знаю!

– То есть, как не знаете?

– Я только вчера узнала о смерти папы. Александра Сергеевна позвонила поздно вечером и сказала, что она похоронила отца, и я могу вступать в наследство домом, участком и всем имуществом. Кажется, она звонила из Сокола, где проживает с дочерью Валентиной... Валентина её дочь от первого брака.

– Значит, на похоронах вы не были?

– Нет, не была.

– Вы что, не контактируете с ними?

– С отцом я поддерживала связь: созванивались, встречались на стороне. С Александрой Сергеевной и Валентиной – нет.

– А теперь, чай, – напомнил я. – И ответы на следующие вопросы.

– Располагайтесь. – Девушка указала на стулья возле стеклянного стола. – Я включу чайник и отлучусь на минуту. Принесу документы, удостоверяющие мою личность и дающие мне право вступить в наследство через определённое законом время.

Евгения вышла из кухни.

– Максим Викторович, – зашептал Миша, – расследование может оказаться запутанным, но занятным! Интересно, кто убил майора?!

Кот под столом принялся тереться об наши ноги и громко мурлыкать. Сквозь прозрачную столешницу видно, как он стреляет зелёными глазками и вымаливает ласку. Миша хлопает себя по коленке, и скотинка тут же водружается на предложенное место.

– Это Василий, – представляет кота вошедшая Евгения. – Папа говорил, что Васька его единственный друг. Он от него не отходил. Остальные, это относилось к особам рода человеческого, числились у него в товарищах или в знакомых. Представляете, Васька после похорон папы, всё время пропадал на кладбище. Весь пропах местными мышами. Вечером буду его купать... Я обнаружила его под венками. Александра с Валентиной после похорон уехали. А Ваську оставили. Он старый. Замёрз бы с наступлением холодов. А я вот нашла его. Теперь будем жить вдвоём... Будем скучать без нашего папы.

Я посмотрел на девушку. Она стояла в дверях, прижав к груди полиэтиленовый файл с бумагами. По её покрасневшимся щекам скатывались слезинки. Признаюсь, я подумал, что родная дочь Пронина относится к смерти отца уж очень спокойно. Словно его похоронили давно, а не неделю тому назад. Ах, нет...

– Извините! Вот документы...

Евгения кладёт файл на стол. Рядом с ним о стекло разбивается капля...

– Я сейчас!..

И она выбегает из кухни...

Потом мы слышим, как дочь майора Пронина Евгения надрывно рыдает где-то далеко-далеко, за стеной, в одной из комнат большого дома.

Васька перестаёт ласкаться и мурлыкать. Порванные соседскими котами ушки напрягаются, и он принимается сканировать ими пространство. Источник звука определён. Васька, взглянув на Мишу, басовито мяукает и спрыгивает на пол. Потом снова прислушивается и выбегает из кухни.

Файл с документами мы не трогаем. Как-то неудобно копаться в личных бумагах в отсутствии их хозяйки.

Вода в чайнике закипела. Слабый щелчок и медленное пришествие тишины.

Мы ожидаем возвращения девушки, смотрим в окно, на приусадебный участок, на ворон, летающих над парковым массивом за пределами жилого квартала, на белёсое небо без солнца. Светило сейчас ярится на восточной стороне и в поле нашего зрения не попадает.

Траурная тишина не предполагает обсуждение полученной информации. Она располагает к умиротворению и безмятежному осмыслению оной...

А она, вышеуказанная «инфа», ещё ни о чём конкретном нас не оповещает.

– Извините. – Евгения вошла и сразу открыла сервант, достала три чашки с блюдцами и расставила их на столе. – Может быть кофе?.. Мне так лучше кофе. Успокаивает.

– Тогда и нам, – сказал я.

– Растворимый? Или сварить?

– Растворимый. И, Евгения, пожалуйста, не суетимтесь. Мы вам соболезнуем. Ну что теперь поделаешь! Крепитесь!..

Я пододвинул файл с бумагами к себе.

Дарственная на землю... Дарственная на дом... Указаны размеры в сотках и квадратных метрах и место нахождения: Прощальная улица дом 13. Документы выписаны на Градову Евгению Григорьевну. К дарственным прилагаются свидетельство о рождении и совершенно бесполезные справки, подтверждающие родство. В домовое книжке значатся как постоянно прописанные или зарегистрированные пять человек. Среди них граждане: Пронин Г. В., Градова М. С., Градова Е. Г. Напротив Пронина Г. В. и Градовой М. С. есть отметки отдела миграционной службы об окончании регистрации в связи со смертью.

Видимо Григория Васильевича снимала с регистрации сама Александра Сергеевна.

Далее в книге значатся: Пронина А. С. и Пронина В. И. Обе сняты с регистрации в связи с убытием по адресу: посёлок Сокол, улица Школьная дом 4. Дата выписки трёхлетней давности.

Я вернулся к дате прописки супруги Александры Сергеевны и её дочери Валентины по этому дому. Получалось, что они были зарегистрированы через год после смерти Градовой Маргариты Семёновны.

– Евгения, ваша мама и отец были зарегистрированы в ЗАГСе как муж и жена?

– Да, конечно. А фамилию мама решила не менять. У неё было много документов, выписанных на неё. Дипломы, аттестаты, финансовые бумаги на службе. Их замена и перерегистрация требовала времени. А меня записали на мамину фамилию, потому что она нравилась папе.

– Понятно. Так вы, Евгения Григорьевна, зарегистрированы по этому адресу?

– Убедитесь Максим Викторович, паспорт перед вами. Да и по домовую книгу числюсь только я.

Действительно, что за глупый вопрос?

И в паспорте всё в порядке. Дочь майора Пронина зарегистрирована по данному адресу с момента своего рождения.

– Да вы и так полноценная хозяйка. Потребуется лишь согласовать некоторые вопросы в дирекции домоуправления и заняться переоформлением наследства на своё имя.

– С понедельника займусь.

Евгения налила в чашки с растворимым кофе кипяток.

– Сахар по вкусу. – Поставила перед нами вазочку с рафинадом. – Печенья и бутербродов в доме нет. Уж извините!

– Обойдётся, – говорит Миша.

Я размешал кофе без сахара и прихлебнул чуть-чуть. Это не элитная «Чёрная карта», которой соблазняется уважаемый шеф. Это просто «Арабика». Хотя в кофейные мельницы с указанными сортами могли фасовать семена из одного «мешка». Тут весь секрет в приготовлении конечного продукта.

Евгения садится напротив меня.

Я раскрываю папку с бумагами и начинаю записывать в опросный бланк ответы девушки:

« – Моего папу, Пронина Григория Васильевича, обнаружила мёртвым в доме по адресу: Прощальный переулок, 13 его супруга Пронина Александра Сергеевна. В прошлую субботу. Приехала проведать его из посёлка Сокол... Вызвала скорую...

– Врач скорой помощи выписал справку для получения свидетельства о смерти, истекшей от скоротечного приступа инсульта... Истинная же причина кончины установлена позже, в понедельник, патологоанатомом...

– Об этом мне рассказала по телефону сама Александра Сергеевна. Вчера...

– Меня не оповестили о смерти папы, скорее всего, случайно...

– Александра Сергеевна – истеричка. Я могу вообразить атмосферу в доме в эти дни. Здесь было настоящее смятение. Сначала естественная смерть, потом насильственная. Полиция, суета, горе... и они забыли о моём существовании...

– Меня ведь и в самом деле не было в их семье... Я им чужая... Или они просто не хотели видеть меня на похоронах отца. Не позвали... А ведь я находилась рядом...

– Я проживаю в Энске, на улице Ефремова дом 10. В квартире тёти Али, Алевтины Васильевны... Это папина старшая сестра. У неё не было своих детей, и я для тёти Али была как дочь... Муж у неё офицер Советской армии. Погиб в Афганистане... Давно это было. Она больше замуж не выходила...

– Александра Сергеевна даже не извинилась...

– У меня с ней никаких конфликтов не происходило...

– Я её видела последний раз, когда мне было десять лет. Красивая женщина пришла в наш дом со своей дочерью Валей. Валя старше меня на два года. Я из-за неё убежала к тётке. Мне показалось, что папа любит Вальку больше, чем меня... Тогда я была очень ревнивой... Папка уговаривал меня возвратиться домой. Но вскоре согласился с Алевтиной Васильевной оставить меня у неё. И с тех пор я встречалась с отцом всё реже и реже. Окончила школу, поступила в институт...

– Меня воспитала тётка, тратила на меня свои деньги, личное время, здоровье. Папа, правда, помогал. А Александра Сергеевна терпела «непредвиденные» траты на моё воспитание. Папа на неё не жаловался, он её любил... Кажется, это было обоюдным...

– Тётка Аля умерла в мае этого года. Завещала мне однокомнатную квартиру. А от папы вот – дом, так что жильём обеспечена...

– А мама умерла давно... На заводе, где она работала, произошла авария. Она была инженером-радиологом. Облучение, и, как следствие, лейкоз, лейкемия. По достижению совершеннолетия мне выплачивали небольшую пенсию от её предприятия... Теперь буду жить на стипендию и на тёткины сбережения. Или, скорее всего, придётся переводиться на заочное отделение и устраиваться на работу.

– Учусь на четвёртом курсе Политехнического института. Экономико-статистический факультет...

– В прошлую субботу в первой половине дня я была на лекциях и семинарских занятиях. После обеда сдавала зачёт и присутствовала на консультации по финансовому праву. Алиби могут подтвердить преподаватели и сокурсники.

С моих слов записано правильно и мной прочитано».

Евгения расписалась под объяснением. Потом достала из сумочки зачётную книжку студента Политехнического института, и мы удостоверились в наличии алиби. Дата, оценка и подпись преподавателя.

Миша, внимательно слушал рассказ девушки и впитывал полученную информацию. А ещё он рассматривал её и украдкой чему-то улыбался. Но Евгения заметила его взгляды и улыбки.

– Вы мне тоже нравитесь, товарищ лейтенант, – сказала она приятным и серьёзным голосом. – И, к вашему сведению, я не замужем, кавалером ещё не обзавелась. Поклонники есть, но только для посещения с ними кафе и кино. Тётка Аля воспитала меня в строгости... Об устройстве моей личной жизни сейчас говорить не время. Разве что дней через сорок... А сейчас приступайте к картографии, планиметрии и фотографии. У меня есть план дома, который я должна предоставить в жилищную контору. Снимите копию и расставьте на нём предметы мебели. Когда уточните место обнаружения тела папы, то отметите его на плане.

Юный коллега покраснел и кивком согласился с предложением хозяйки дома.

Евгения вздохнула. Если бы не траурность момента, то от «кафе» и «кино» девушка бы не отказалась. Кажется, мой стажёр застолбил её внимание.

«Прелестно! – подумал я. – Пока стажёр будет чертить план и опрашивать соседей, я навещу забывчивую вдову, теперь проживающую в посёлке Сокол».

Сообщил о своём решении Мише и укатил из Энска.

До посёлка от города около десяти километров. Если застану Александру Сергеевну дома, то, переговорив с ней, к обеду вернусь. То есть часам к двум дня. Сейчас на дисплее мобильного 11.20.

На мой звонок Пётр Петрович ответил коротко:

– Макс, я занят, созвонимся вечером.

Номера мобильного Окуневского у меня не оказалось.
Значит, будем работать без контроля сверху...

Глава шестая

Сокол – идеальное поселение сельского типа, построено давно, ещё в советское время. Расположен посёлок на плоской вершине холма среди берёзовых рощиц и теснящихся между ними, вспаханных под зиму, огородов. Вокруг холма течёт река Теква, берущая своё начало в северных болотах и краешком цепляющая город Энск.

На противоположном берегу чистенькой речки, огибающей холм голубой ленточкой метров десяти шириной, раскинулся современный тепличный комплекс, представляющий сельчанам работу, а городу Энску свежие овощи.

От посёлка к мосту через реку извилистой лентой спускается грунтовая дорога, перегороженная у перил современным пластиковым шлагбаумом. Возле сторожевой будки прохаживается охранник в пятнистой униформе. Увидев алую «бригантину» мужчина энергично машет полосатым жезлом, направляя моё продвижение в сторону посёлка и отворачивается, давая тем самым понять, что ни на какие праздные вопросы «пижона» в красной иномарке он отвечать не будет.

Дом номер четыре на улице Школьная я обнаружил рядом с двухэтажным зданием школы. И тут же увидел его хозяйку. Портрет «забывчивой мачехи» мне показала Евгения перед моим отъездом.

Александра Сергеевна, высокая, строгая, на первый взгляд чуть старше сорока, в синем спортивном костюме и в чёрном платке, наверное, в знак траура, ходит по палисаднику с лопатой в руках и прихорашивает уже взрыхлённые клумбы с многолетними цветами. Аккуратно обрезанные черенки растений топорщатся на чёрном фоне клумб рыжими ёжиками, и хозяйка присыпает их сухим чернозёмом, что бы ни помёрзли зимой.

Дом представляет собой роскошную пяти стенную избу с широкой террасой справа и хозяйственной пристройкой сзади. Никаких других строений на участке за домом я не заметил. Огород вспахан и выделяется чёрным лоскутом на жёлтом от листопада фоне.

Осматриваю территорию и отмечаю, что жилплощадь, оставленная майором Прониным дочери Евгении на Прощальном переулке в Энске, выглядит куда богаче. Да и участок там раза в два больше.

Я останавливаю «бригантину» напротив дома и не спеша выхожу на песчаный тротуар. Александра Сергеевна, заметив моё продвижение в её сторону, втыкает лопату в клумбу и подходит к калитке вперёд меня. И открывает её, приглашая тем самым незнакомца на свою территорию.

– Здравствуйте Александра Сергеевна, – говорю я, останавливаясь перед распахнутой дверцей. – Я из управления полиции. Оперативный уполномоченный Рошин Максим Викторович.

– Здравствуйте, молодой человек. – Женщина отступает в сторону и указывает мне на тропинку, ведущую к входу в дом. – Проходите. Вы по поводу смерти моего мужа?

– Да.

– Я так и предполагала, что от вас кто-нибудь приедет ко мне. Ваш коллега капитан Окуневский был в доме на Прощальной улице, но ничего не спрашивал у меня о смерти Григория. Мне даже показалось, что он боится мертвецов. Сунул нос в комнату, посмотрел на покойного и утёк... Потом он ещё раз приходил. Я подписывала какие-то бумаги... Проходите же, не стесняйтесь!..

А я и не стесняюсь, я просто скромничаю. Иду себе потихоньку по выметенной от пыли грунтовой тропинке, прижимаю к себе папку с документами и думаю о людских судьбах. Мой фатум, счастливый и безмятежный, пока не в счёт. Я, о женском, что в русском фольк-

лоре называется «долей». Она, эта самая доля-учесть-судьба, прямо-таки на моих глазах формируется у героинь нашего уголовного дела.

Вопрос, поставленный стажёром: кто убил майора Пронина, волнует и меня.

Три фигурантки налицо. Все подозреваются в совершении убийства.

Только подозреваются... Не могут же они быть такими жестокими...

Или могут?..

День рождения майора Пронина ещё не исследован. Его нужно описать как можно подробнее. А для этого нужны свидетели. Они должны рассказать правду...

Расскажут, если захотят... если что-то видели... или что-то знают... или подозревают...

– Заходите в терраску. Мы с Валею здесь чаёвничаем.

Какие приветливые у нас женщины!

– Спасибо!

Я хотел было отказаться от чая, так как пятнадцать минут тому назад уже пил кофе от Евгении, но передумал. Хозяйка может обидеться.

– Александра Сергеевна, а ваша дочь Валя дома?

– В институте. Мы – потомственные педагоги...

– Учится в пединституте?

– Нет. Она закончила обучение в прошлом году. Сразу же поступила в аспирантуру.

Продолжает учиться и преподаёт первокурсникам психологию.

– Вы, пожалуйста, дайте мне номер телефона дочери.

– Да-да, конечно... Вы располагайтесь. Через пару минут будет чай.

Я огляделся. В терраске всё проще и скромнее, нежели в городском доме. Старая мебель: круглый стол, накрытый клеёнкой, стулья с потёртой обивкой, у окна древний диван. На стене картина – пейзаж с видом на местную речку, только без моста и без теплиц...

– Это отец нарисовал, или, как говорят художники, написал. Талантливым был. Стихи сочинял, рассказы. Книжку издал. Но это было давно, ещё при Советах. Тогда было проще напечататься... Он умер три года тому назад. Учителемствовал в нашей школе до самой кончины. А мама ещё раньше ушла. – Александра Сергеевна поставила на стол пластмассовую вазочку с печеньем и фарфоровую сахарницу. – Иду за чаем...

В доме Евгении пахнет яблоками и борщом. Здесь же я не почувствовал какого-либо запаха, присущего сельскому жилищу. Ну, разве что немножко тянуло стиральным порошком от чистенького покрывала, посланного на старом диване. Да с улицы через приоткрытую дверь тянет тленом от опавшей листвы.

Раскладываю на столе бланки для фиксации результатов опроса. Заполняю графы с уже известными мне данными фигуранта. Остальное запишу со слов и из документа удостоверяющего личность, то есть из паспорта. Дата и время. Сейчас: 11.43...

Сладкий чай с пресными крекерами я выпиваю в течение двадцати минут. За это же время выслушиваю, мысленно редактирую и записываю ответы на поставленные вопросы.

« – Я, Пронина Александра Сергеевна, в прошлую субботу, примерно в четыре часа дня, на рейсовом автобусе номер три приехала из посёлка Сокол в город Энск, что бы навестить мужа Пронина Григория Васильевича. Он в это время должен был заниматься мелким ремонтом в принадлежащем ему доме по адресу: Прощальный переулок, дом 13...

– Дом по указанному адресу был выделен Пронину Г. В. в качестве служебной площади в период его работы в органах внутренних дел в должности участкового уполномоченного милиции. В дальнейшем Григорий этот дом приватизировал...

– На момент приватизации дома, по указанному адресу были зарегистрированы: первая жена Григория Васильевича – Градова Маргарита Семёновна и их дочь Градова Евгения Григорьевна.

– Маргарита Семёновна умерла девять лет тому назад вследствие тяжёлого заболевания...

– Через год после кончины Маргариты Семёновны я встретила Григория. Мы сошлись с ним, расписались в ЗАГСе, и я с дочерью переехала со съёмной квартиры к нему, на Прощальный переулок, 13...

– После переезда мы зарегистрировались по этому адресу...

– Евгения некоторое время проживала с нами. Но, из-за неприязненного отношения ко мне и моей дочери Валентине, ушла из дома и стала проживать у Алевтины Васильевны – старшей сестры Григория.

– Григорий постоянно контактировал с Евгенией. Помогал ей материально. Я этому не возражала. Не смотря на то, что у нас были материальные трудности, мы как-то выходили из создавшегося положения...

– Нет, лично я с Евгенией наладить отношения не хотела...

– И она со мной – тоже...

– Почему я и моя дочь Валентина выписались из дома Григория?.. Ну, потому, что Григорий постоянно намекал мне, что он свою дочь в обиду не даст. И жилплощадь будет принадлежать ей. К тому же у моих родителей есть свой дом. Этот дом, в посёлке Сокол. После смерти моей мамы, отец стал болеть. Он продолжал учительствовать в поселковой школе, но ему было трудно поддерживать себя. Мне пришлось оставить работу в Энске, я преподавала литературу и русский язык в школе номер семь, и переехать сюда. Здесь мне предоставили возможность трудоустроиться в местной школе и в прошлом году предложили должность директора. Я согласилась. Потом папа умер. Мы с Валентиной зарегистрировались в этом доме.

– Григорий ушёл в отставку давно. Некоторое время проживал с нами в посёлке Сокол и работал заведующим на складе готовой продукции при местной теплице. Потом охранником в нашей школе. Последние года два нигде не работал. Ездил в Энск и там занимался своим домом. Вы, наверное, были на Прощальном переулке и видели, как выглядит его дом. Не сравнить с нашим...

– Он и в моём доме делал мелкий ремонт. Труженик. Этого у Григория не отнять. Но в дом дочери он вкладывал и силы и средства...

– В прошлую субботу я пришла в дом Григория... Дверь в терраску была заперта на замочную защёлку, отпираемую только изнутри. То есть без ключа не открыть. У меня были ключи. Я открыла двери... Я вошла в дом...

– Он... лежал на диване в большой комнате... Был одет. По виду – спал... Он всегда отдыхал на этом диване... Ну, думаю, утомился и прилёг... Обувь почему-то не снял...

– Нет, я не сразу обратила внимание, как вы говорите, на странности в позе Григория, и на окружающую обстановку... Ну не снял ботинки. Они были чистыми, а диван накрыт старым пледом... Я на это никак не отреагировала...

– Да-да! Я помнила, что у Григория день рождения!.. Поэтому я и решила навестить его... Я привезла торт, бутылку грузинского вина, подарок... Я купила ему кожаную куртку. Он мечтал о такой куртке...

– Ну да, я подумала, что он спит, и пошла на кухню. А вот там, я на это тогда обратила внимание, на столе стояли две бутылки минеральной воды и бокалы, лежали три чистые тарелки с вилками... Кроме бокалов там были стопки... Маленькие стаканчики для водки... Мелькнула мысль, что ждал меня и Валю...

– Нет, бутылки с водкой или вином на кухне не было...

– Пустых бутылок тоже не было...

– Нет, не похоже, что там распивали спиртные напитки. И закуски в холодильнике были нетронутыми. А ещё на плите стояла большая сковорода с жареной на сале картошкой. Григорий любил жареную картошку. Я ему запрещала, есть эту «отраву». Сплошные канцерогены... Картошка была ещё тёплой... А ещё на рабочем столе стояла открытая банка с маринованными огурцами, но непотрошенная... Банка открытая, а огурцы из неё не доставали... И тарелки на столе были неиспользованными... И вообще, в кухне наблюдался порядок, и в доме тоже... Я убрала лишнюю посуду. Думала, что кроме меня на именины никто не придёт. Хотелось побыть с ним наедине...

– А Григорий, как мне думалось, спал...

– Не подходила я к нему минут сорок... Настроение у меня было прекрасным. Пусть, думаю, поспит муженёк. Накрыла стол к ужину на двоих... На улице стало темнеть... Знаете, я ужасная трусиха и боюсь темноты. А у нас кладбище рядом... Бездомные собаки там собираются, устраивают такой гвалт, не приведи господь... Это я о себе. Но в тот день настроение было хорошим...

– Ну вот, пошла будить Григория... А он какой-то странный лежит. Лицо серое. Я ладошкой щупаю его лоб. Он у него мокрый и совершенно холодный. Приложила ухо к груди, ничего не слышу. Пульса нет... Руки у него лежали на груди, как у покойника. Я пульс щупаю, а рука как будто одеревенела, не слушается... Вот тут-то у меня и началась истерика... Я к соседям в 15-й дом. Там Варвара Трофимовна, подружка моя, выслушала мои истерические вопли и позвонила дежурному скорой помощи... Врач скорой помощи, старичок, сам еле ходит, посмотрел, пощупал и говорит мне: вызывайте перевозку в морг. Инсульт... обширный... А у меня всё онемело. Еле-еле объяснила ему, что кладбище рядом, хоронить будем из дома, рядом с покойной женой. А он мне справку выписал на получение свидетельства о смерти и говорит, что из похоронного бюро придут, скорее всего, в понедельник. Заказов у них много...

– Чуть позже пришли Варины сыновья и помогли поместить тело в большой комнате на развёрнутом столе... Дочь приехала... Опять слёзы...

– Ваш Окуневский появился и исчез. Мне не до него было...

– Нет, Евгении я не звонила. Да у меня и номера её телефона не было. Я только вчера, просматривая записные книжки Григория, обнаружила его. И сразу же сообщила... Обо всём рассказала...

– Конечно же, было стыдно... И сейчас – тоже...

– А криминал выявили сотрудники из похоронного бюро. Позвонили в полицию и в судебно-медицинскую экспертизу. Капитан Окуневский снова приходил, составил протокол... Эксперт осмотрел тело покойного, взял образцы на анализы, и говорит мне: ваш муж убит... Предложили направить тело в морг. Однако машины перевозящей покойников долго не было. Эксперт куда-то позвонил, а потом спросил, могу ли я повторно вызвать бригаду из бюро, что бы подготовить тело к захоронению. Разрешили, значит, обойтись без доставки в морг... Вот и всё!.. Приехали серьёзные мужчины, помыли моего Гришу, одели в казённый костюм и в гроб положили... На следующий день отнесли муженька на кладбище, к первой супруге Маргарите. Так что справедливость соблюдена... А я, наверное, обоснуюсь на здешнем погосте, с родителями...»

Глава седьмая

– Ещё чаю? – спрашивает Александра Сергеевна, увидев, что я положил ручку на стол и начинаю разминать затекшие пальцы.

– Спасибо, не откажусь.

– Почерк у вас каллиграфический!.. А у нас учителя пишут как доктора. И детей учат подобному «чистописанию». А раньше-то, грамотные судари и сударыни такую красоту создавали! Какие письма писали друг дружке! И всего лишь гусиными перьями! Любо дорого посмотреть. И что писали! Весь мир читает, и долго будет читать наших предков!.. А сейчас новое поколение ничего не читает, и ничего не пишет. Эпистолярный жанр совсем забыли. Остались одни «эсэмэски».

Вздыхнула и ушла в дом готовить новую порцию чаю.

...Ну а мы, полицейские, разумеется, не в счёт. Потому что не судари и пишем шариковыми ручками всякую чушь. Всего-то совпадений с потомками – каллиграфия. Да и то без завитушек...

Прочитал написанное.

Логика вроде бы прослеживается. Если криминал подтвердится, то по нашим с Мишей маршрутам пойдут более опытные следователи.

А что на данный момент имеется у нас? То, что подсказывает или намекает сыщику на искомое. Ничего... Есть женщины, уважавшие и любившие майора Пронина. Не могли эти женщины убить хорошего человека: любящего и любимого отца и мужа.

Сегодня нужно успеть побеседовать с Прониной Валентиной.

И все полученные от родственников сообщения нужно проверять. Так как алиби у них зыбкие...

А что основательное? Что непогрешимо и не требует доказательств? За что можно зацепиться?

Вот здесь вырисовываются какие-то гости. Три прибора на столе, значит, без именинника, не менее двух. Были или не были они в доме Пронина? Если были, то могли наследить. Но в доме чисто. Прошла неделя. Александра Сергеевна в первый же вечер всё стёрла. А преступники, не факт, что званые гости, за несколько часов до её прихода убили Григория Васильевича и унесли с собой оружие преступления... Да и следы могли потереть.

Отсутствие спиртных напитков, тоже факт, требующий проверки. Толи водку не успели приобрести в торговой точке, толи запланированные Прониным «гости» унесли её и выпили в другом месте, без именинника. И гости ли это были?

И вообще, проживать на пригородном Прощальном переулке в небедном доме, одному, без контроля соседями окружающего пространства – опасно. Мало ли завистников бродит по пригородным дачам и малолюдным переулкам.

Вот «пришлые людишки» и нагрянули, и сделали своё чёрное дело.

И никто не услышал, и никто не увидел...

А я должен услышать в озвученном фигурантами суть, и отыскать в увиденном «факты», которые помогут мне выполнить свои обязанности – раскрыть преступление. То есть найти убийцу...

Александра Сергеевна ставит парящую чашку с чаем передо мной и медленно садится напротив.

И смотрит мне в глаза. Вопросительно смотрит, словно не я сыщик, а она.

– Вы будете искать убийцу?

– Уже ищем... У меня к вам, Александра Сергеевна, есть ещё вопросы.

– Да, конечно, спрашивайте. Я отвечу...

– Скажите, у Григория Васильевича были друзья? Те, кто приходил к нему в гости, с кем он встречался на стороне. Он был охотником, или рыбаком?

– Охотником – нет. А с местными ребятами в нашей речке время убивал. Бывало, наловит мальков и везёт их коту. Они друг друга просто обожали, мой Гриша и кот Васька... А насчёт друзей, я не очень осведомлена. В Энске к нему чаще всего приходил капитан Окуневский. Но он с ним не дружил. Контактывали по линии службы. Это Гриша так выражался. Мне кажется, ваш капитан недалёкий человек. Он всё время о чём-то советовался с Гришей, хотя тот уже был на пенсии... А с местными, с поселковыми мужчинами, Григорий не дружил. Они все пьющие.

– А Григорий Васильевич не пил спиртное?

– Скажу так: не злоупотреблял. Вообще-то, мужских компаний он не чурался, но и не засиживался с ними до потери морального облика. Говорил бражникам, что водка невкусная, и вовремя уходил из их общества.

Я усмехнулся. Ибо тоже считал, что водка по вкусу – не смак.

– А отношения с соседями?

– Хорошие. Я дружила с соседками. А Григорий... с мужским населением мог контактировать разве что по линии ремонта дома.

– Он мог пригласить кого-нибудь из знакомых мужчин домой и угостить их в качестве оплаты за оказанные услуги? Например, за помощь в ремонте.

– Да, мог. Но искать таковых помощников вам придётся самим.

– Спасибо за совет. Теперь скажите, каким ремонтом Григорий Васильевич занимался в последнее время? Что он делал?

– В этом доме заменил пол... По мелочам много чего сделал.

– А в Энске?

– На Прощальном переулке?

– Да.

– На прошлой неделе он менял электропроводку в мансарде. Вам нужно самим посмотреть, что там сделано. Я в эти дни на мансарду не поднималась.

– У Григория Васильевича был мобильный телефон?

– Был!.. Был телефон при нём в тот день... Ему даже кто-то звонил, уже мёртвому. Врач осматривал тело. Он вынул трубку из кармана Гриши и протянул мне... Я не знаю, кто ему звонил. Не представились. Но, спросили Григория. А я, кажется, сказала, что он умер... И трубку отключили. Телефон всё ещё находится в Энске, на Прощальном переулке... Я его в ящик письменного стола положила... В Гришином кабинете...

– Александра Сергеевна, вы не могли бы начертить схему дома? Того, что на Прощальном переулке? Приблизительный план, для уточнения места... где Григорий Васильевич...

Она кивнула, взяла у меня ручку, чистый лист бумаги и уверенными движениями создала то, что было необходимо для расследования.

– Это – Гришин кабинет, – стала пояснять Александра Сергеевна. – Это – большая комната. Здесь: спальня, гостиная, прихожая, кладовка, кухня, терраска, лестница на мансарду. Мансарда без перегородок. Один большой зал.

– Где лежал Григорий Васильевич?

– Да-да. Мебель. – Александра Сергеевна начертила на схеме несколько прямоугольников. – Вот это диван в большой комнате. Гриша лежал на нём... А телефон лежит здесь, в верхнем ящике стола. Вам, наверное, нужно открыть дом и кому-нибудь из нас поприсутствовать при осмотре места происшествия?

– Нет, спасибо. Там сейчас Евгения Григорьевна. И я с коллегой стажёром уже побывал в доме. А вам в ближайшее время придётся приехать в Энск, в районный отдел полиции и дать показания следователю. Если подтвердится криминал. То есть насильственное лишение жизни с каким-либо умыслом.

– То есть, Гриша мог погибнуть не от руки убийцы? Например, споткнуться, упасть, удариться головой о стену, поползти до дивана, лечь на него в позе покойника и спокойно умереть?

– Александра Сергеевна, такой сценарий вполне мог произойти. Но он трудно докажем. Всё, что случилось в вашем доме, произошло без свидетелей... Вернее, мы таковых ещё не выявили. Ищем.

– А полиции было бы выгодно списать смерть Григория на несчастный случай. То есть умер Гриша, упав с высоты собственного роста. Сам виноват. Ведь падал и умирал человек без свидетелей.

– Или при свидетелях, которых мы ещё не вычислили. И они, или лица причастные к смерти Григория Васильевича, возможно, где-то обитают в нашем городе Энске, к нам в полицию с повинной не являются, истину открыть нам не желают.

– И вы, молодой человек, с таким же юным стажёром, будете разыскивать преступников?

– Уже разыскиваем, Александра Сергеевна. Ищем преступников, ищем свидетелей, явных и косвенных. Кто-то что-то должен знать, что-то видели, или слышали...

– У вас чай остывает. – Александра Сергеевна встала из-за стола, подошла к двери терраски и открыла её. – Это в телесериалах полиция раскрывает преступления. Оперативно и красиво. А на самом деле ваши коллеги не имеют необходимого опыта в сыском деле. Нет специального образования и острого ума. Да и особого желания копаться в человеческом мусоре, тоже нет. Ваш Окуневский видно не оправдал доверия начальства, и прислали вас, молодёжь. Вот какое у вас образование, молодой человек?

– Окончил Энский пединститут. Историк.

– С ума сойти! – Александра Сергеевна глубоко вдохнула уличный воздух. – У нас педагогов не хватает. Присылают девчонок после пединститута, а они, то замуж за военного выйдут и за ним в путешествие по стране, то в наши теплицы зелень выращивать. Там платят больше и местная детвора нервы не треплет. Мой папа был единственным мужчиной в нашей школе... А вас, молодой человек, что напугало в педагогике?

– В педагогике меня ни что не напугало. Я хотел стать учителем истории, как и мой отец. Он работает в школе. Любит своё дело. И он же периодически намекает мне, что моё призвание – быть учителем. А я по воле случая попался на крючок моему однокласснику, уже служившему тогда ещё в милиции, в должности инспектора ППС. Я поддался его агитации, прошёл комиссию и начал работать: сначала инспектором службы, потом участковым уполномоченным, а сейчас, уже полгода, оперативным уполномоченным полиции. Мне нравится. К переменам в профессии не стремлюсь... Александра Сергеевна, вы о полиции плохо не думайте. К нам на службу разные люди приходят. Как и в вашу образовательную систему. Время, субстанция постоянная. В своём течении оно освобождается от легковесного мусора. А то, что держится во временном потоке длительное время, то и составляет его фундамент.

– Любите философствовать, молодой человек? Похвально.

– Александра Сергеевна, на этом философском моменте закончим нашу беседу. Но мы ещё встретимся. Потому что я узнал от вас не всё. Я не сообразил о чём ещё вас спросить, и вы что-то не вспомнили. Я запишу номера ваших телефонов, рабочего и мобильного, и оставлю свою визитку. Если что вспомните, звоните... Да, пожалуйста, напишите мне телефон вашей дочери Валентины...

Александра Сергеевна расписалась на бланках с объяснением и собственноручно записала в мою рабочую тетрадь номер телефона дочери Прониной Валентины Михайловны.

Я поблагодарил хозяйку за чай и попрощался.

Вышел на улицу, обернулся.

Александра Сергеевна стояла в дверях, смотрела мне вслед, а по её щекам бежали слёзы. И она их вытирала уголком траурного платка.

Посидел пару минут в «бригантине», поразмышлял о дальнейших действиях.

Нужно возвращаться в Энск. И нужно позвонить Валентине Михайловне, назначить встречу, лучше бы на сегодня. Могу подъехать к институту, в котором она преподаёт.

А сейчас узнаю, как идут дела у стажёра Скворцова, и доложу о наработанном материале Петру Петровичу. Звоню лейтенанту...

Миша бодрым голосом сообщает, что он с помощью Евгении начертил-таки план дома. В данный момент оба собираются пойти на кладбище и поискать там Ваську. Сбежал из дома. Наверное, к Григорию Васильевичу. Скучает по другу.

Выслушав доклад, порекомендовал стажёру навестить соседей по Прощальному переулку и побеседовать об их контактах с майором Прониным. То есть выяснить, кто навещал Григория Васильевича в последнее время вплоть до прошлой субботы, или к кому он заходил, и с какой целью. Выявленных «контактеров» и свидетелей контакта опросить. Записать данные и телефоны ближайших соседей, которые добровольно согласятся присутствовать при проведении возможных следственных действий в качестве понятых. Это на всякий случай.

Погрустневшим голосом Миша согласился с моим планом.

Полковник Токарев не был занят и спокойно выслушивает мой тезисный доклад о проделанной работе.

– Значит, родную дочь Гриши вы нашли?

– Пётр Петрович, она сама нашлась.

– Ну да. – Токарев некоторое время молчит. – А Сашка, значит, не соизволила найти Евгению и сообщить ей о смерти отца?

Сашка!? Значит Токарев знаком с ней? Впрочем, почему бы и нет...

– Суета, стресс, – говорю я. – По её словам, не до падчерицы было.

– А её родную дочь, Валентину, будешь искать?

– Номер телефона есть, сейчас позвоню.

– Стажёр не отлынивает? Ты, Максим Викторович, его не балуй. Пусть бежит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.